

- Макарцев 2015 — Полевые материалы. Охрид, Струга, Корча, Кристаллопиги, Касторья, Флорина, Битола, Ресен, Асамати. Эксплоратор М. М. Макарцев. Личный архив. М., 2015. [*Polevye materialy. Okhrid, Struga, Korcha, Kristallopigi, Kastor'ya, Florina, Bitola, Resen, Asamati. Eksplorator M. M. Makartsev. Lichnyi arkhiv* [Field data. Ohrid, Struga, Korce, Krystallopigi, Kastoria, Florina, Bitola, Resen, Asamati. Explorer M. M. Makartsev. Personal files]. Moscow, 2015.]
- Плотникова 1996 — Плотникова А. А. Материалы для этнолингвистического изучения балканославянского ареала. М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1996. [*Plotnikova A. A. Materialy dlya etnolingvisticheskogo izucheniya balkanoslavyanskogo areala* [Materials for ethno-linguistic study of the Balkan-Slavic area]. Moscow: The Institute for Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, 1996.]
- Плотникова 2004 — Плотникова А. А. Этнолингвистическая география Южной Славии. М.: Индрик, 2004. [*Plotnikova A. A. Etnolingvisticheskaya geografiya Yuzhnoi Slavii* [Ethnolinguistic geography of the Southern Slavia]. Moscow: Indrik, 2004.]
- Цивьян 2009 — Цивьян Т. В. *Остров, островное сознание, островной сюжет* // Цивьян Т. В. Модель мира и ее лингвистические основы. М: Либроком, 2009. С. 234—241. [Tsiv'yan T. V. Island, island conscience, island story. Tsiv'yan T. V. *Model' mira i ee lingvisticheskie osnovy*. Moscow: Librokom, 2009. Pp. 234—241.]
- Nowicka, Gluszkowski 2013 — Nowicka E., Gluszkowski M. *Słowiańskie wyspy językowe i kulturowe*. Toruń: UMK, 2013.
- Riehl 2010 — Riehl C. M. Discontinuous language spaces (Sprachinseln). *Language and space. An international handbook of linguistic variation*. Vol. 1: *Theories and methods*. Auer P., Schmidt J. E. (eds.). Berlin: Walter de Gruyter, 2010. (= Handbücher zur Sprach- und Kommunikationswissenschaft. Band 30.1.) Pp. 332—354.

Е. В. Вельмезова. История лингвистики в истории литературы. М.: Индрик, 2014. 416 с. [E. V. Vel'mezova. *Istoriya lingvistiki v istorii literatury* [The history of linguistics in the history of literature]. Moscow: Indrik, 2014. 416 p.] ISBN 978-5-91674-302-9.

Дмитрий Владимирович Сичинава

Dmitri V. Sitchinava

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Москва, 119019, Российская Федерация; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, 101000, Российская Федерация; mitrius@gmail.com

Vinogradov Russian Language Institute, Russian Academy of Sciences, Moscow, 119019, Russian Federation; National Research University Higher School of Economics, Moscow, 101000, Russian Federation; mitrius@gmail.com

Книга Екатерины Вельмезовой, нашей соотечественницы, работающей в Швейцарии, выросла из университетского преподавания истории лингвистических учений. В своей основе это анализ текстов, которые преподавательница задавала студентам для самостоятельной работы. Можно сказать (хотя такого грифа на книге нет), что это пособие по истории лингвистических учений. «Еще одно пособие»? И да, и нет: сложно написать такую книгу, выходя за рамки уже установившегося канона — в сотый раз младограмматики, анализ текстов Бодуэна или Соссюра, «язык и речь» или «глоссематика», которая, как иногда кажется, только ради этих курсов на свете и существовала¹... Между тем Вельмезовой это удалось. Оригинальная идея, легшая в основу курса и книги — изучать не (только) сами по себе лингвистические научные или претендующие на таковой статус тексты, но и тексты художественной литературы, в которых отразилось актуальное языкознание своей эпохи (ценно именно восприятие современниками, пусть и подсознательное). Идею написать эту книгу подсказали автору покойные А. Д. Михайлов и Т. М. Николаева,

¹ Впрочем, мало кому известно, что глоссематика, строго говоря, не «мертвая» теория; кружок ее приверженцев существует в Падуе (<http://www.circologlossematico.info/>), у него есть формальное членство и непериодическое издание (благодарим за указание М. Хаспельмата).

всегда с чуткостью относившиеся к текстам на грани научного и беллетристического жанра (а также взаимному отражению одного в другом).

Особое внимание в годовом курсе, который читала Е. В. Вельмезова студентам-славистам (бакалаврам последнего года обучения; программу см. на с. 16—17), уделено русской лингвистике, однако и в контекст важнейших идей мирового языкознания учащиеся, конечно же, вводятся тоже. История лингвистики при этом связана с историей идей. Отдельная лекция посвящена, например, «лингвистике славянофилов» (в отличие от советской традиции, где «русский ученый К. С. Аксаков» и «реакционный славянофил К. С. Аксаков» — разные фигуры, почти как Хомский и Чомски), а в названии лекции о Пражском лингвистическом кружке включены слова «между Востоком и Западом» — указание на евразийство как философию русских пращев (ср. схожий статус «двух Трубецких»). Автор подчеркивает во введении (вслед за одним из крупнейших современных историографов лингвистики Сильвенем Ору), что в область ее интересов входит и «фантастическая лингвистика», которая может не выдерживать критики, но свидетельствует и о развитии научных идей в свою эпоху и часто неустраима из социальной истории науки. Так, отдельно выделяются Марр и марризм, которым Е. В. Вельмезова посвятила особое исследование [Velmézova 2007]. Отметим, что изучение отрывков из текстов Марра входило, например, в курс и хрестоматию В. А. Звегинцева, но уже В. М. Алпатов, во многом опиравшийся на Звегинцева и тоже посвятивший марристскому «мифу» книгу, в своем курсе лингвистических учений говорит о Марре как о фигуре, повлиявшей больше на социум, чем на науку (хотя и на нее тоже), не предлагая студенту читать его.

В ходе преподавания этого курса студентам предлагались художественные тексты для дополнительного чтения. Таких произведений шесть — два зарубежных (хронологически более старших) и четыре российских. Это последняя новелла Проспера Мериме «Локис» (в которой отразилось зарождение сравнительно-исторического языкознания и интерес к Литве как к стране архаичного «почти праязыка»), «Пигмалион» Бернарда Шоу (прототипами главного героя являются британские фонетисты соответствующей эпохи), «Скандалист, или Вечера на Васильевском острове» Вениамина Каверина («роман с ключом» из жизни русских формалистов), «Козлиная песнь» К. Вагинова (еще один петербургский текст 1920-х годов о гуманитариях), «В круге первом» А. Солженицына (как разворачивающаяся в шарашке «фонетическая линия», так и сюжет со Сталиным, сочиняющим «Марксизм и вопросы языкознания») и, наконец, «Попытка к бегству» Стругацких (благодаря которой широкие круги советской интеллигенции, не входившие в прямое соприкосновение с советской структурной лингвистикой, выучили выражение «структуральнейший лингвист» и вспоминают его подчас и в наше время). Это тексты разной степени известности: «Пигмалион» еще при жизни Шоу вошел даже в массовую культуру, «В круге первом» — недавняя, но классика, Вагинова или раннего Каверина знают ценители. Соответственно, в книге шесть глав, в которых разбираются эти шесть текстов² в свете языкознания своей эпохи; повествование перемежается экскурсами, пусть не всегда имеющими непосредственное отношение к анализируемому сочинению, но очень важными для анализа контекста.

Шесть художественных произведений — много это или мало? С одной стороны, разумеется, ряда важнейших звеньев истории языкознания здесь нет: заметная художественная литература, кажется, не воспела прямым образом ни Соссюра, ни Хомского (я сейчас не говорю о том, хорошо это или плохо); новелла Мериме отражает еще не вполне классический (шлейхеровский) этап сравнительно-исторического языкознания, а выступление Сталина против Марра сложно назвать содержательно примечательным. С другой стороны, значительная часть того, что можно связать в художественной литературе с лингвистикой,

² Строго говоря, их больше, поскольку в соответствующей главе разбирается не только «Козлиная песнь», но и другие вагиновские романы — «Труды и дни Свистонова», «Бамбочада» и «Гарпагонна» (хотя «Песнь» все же преимущественно находится в фокусе внимания). Условимся, вслед за Е. В. Вельмезовой (с. 200), считать цикл романов Вагинова единым текстом.

не относится к реально существовавшим научным теориям. Соответствующие пассажи посвящены либо (мнимо) оригинальному теоретизированию, иногда небезынтересному самому по себе, либо экспериментам авторов и персонажей в области создания искусственных языков (Джойс, Набоков, Толкин, Бёрджесс и мн. др.) или любительских исторических построений (приведем в пример дискредитирующие Шерлока Холмса феерические занятия финикийско-кельтскими параллелями, упоминаемые в рассказе «Дьяволова нога» — и это во времена расцвета исторического языкознания!). Большой список таких произведений и сюжетов можно найти, например, на веб-странице М. Браунинг, посвященной англоязычной научной фантастике (<https://www.princeton.edu/~browning/sf.html>); тексты, навеянные конкретными теориями, в этом списке попадаются, но немногочисленны. Ближе, чем научная фантастика, к нашей теме могла бы быть западная традиция «академического» («университетского») романа; в ней показана и лингвистическая среда (например, норвежский роман Хелене Ури «Лучшие из нас» о генеративистах³), но и в этом случае законы жанра требуют концентрации внимания на интригах и личных конфликтах, а не научных теориях. Добавим, что бывают и случаи, когда лингвистическая проблематика художественного произведения продиктована языковой практикой определенного периода, но не теорией. Роман Оруэлла «1984», обычно включаемый в такие списки, отразил авторские размышления над коннотациями, над проблемой «язык и тоталитаризм», над языковой политикой, он является документом эпохи, но к истории лингвистических учений имеет мало отношения.

Собственно, литература и не обязана отражать прорывы в сравнительно близкой от нее, но, вообще говоря, достаточно сложной науке (как и в любой другой); она запечатлевает те моменты, когда лингвистика почему-либо становится модной в обществе и широко обсуждается. Поиск праязыка был в XIX в. примерно столь же интересен за пределами узкого круга «гелертеров», как и уже отчасти запоздалое структурное языкознание в советском обществе 1960-х: эти факты говорят больше об обществе («духе эпохи», с. 83), чем о теориях, хотя и позволяют взглянуть на теории с непривычной стороны. Меняется и общественный статус фигуры ученого-лингвиста. В литературе действуют не ходячие идеи, но их персонажи-носители, и все тексты, о которых идет речь, — это тексты об ученых. Как отмечает автор (см. заключение к книге), портреты лингвистов в анализируемых текстах, несмотря на существенные различия, в разной степени зависят от устойчивого романтического стереотипа «ученого чудака». Вообще, сквозным сюжетом книги является поиск прототипов таких персонажей: как правило, решение этой задачи неоднозначно, и часто герой «двоится», сочетая признаки разных реальных лингвистов. Историческая социология науки — неотъемлемая часть истории науки как таковой, что часто игнорируется в отечественной традиции, и исследование художественных произведений всегда было важнейшим средством выявления как массовых, так и элитарных представлений о научных теориях и их носителях.

И, конечно же, эти художественные произведения настоятельно нуждаются в профессиональном квалифицированном комментарии со стороны лингвиста: как правило, представления литературоведа и даже историка идей об истории языкознания неполны и неточны (вплоть до расхожего представления о Марре или марристах как просто о невинных жертвах сталинской критики). В этом отношении мимо книги Вельмезовой не должен пройти будущий комментатор или исследователь Каверина или Солженицына.

Анализируя новеллу Проспера Мериме «Локис», Вельмезова спорит с представлением об Августе Шлейхере как о единственном прототипе ее главного героя, профессора Виттен(м)бах — с ее точки зрения, это образ собирательный, вобравший в себя еще и черты санскритолога и мифолога Макса Мюллера, взгляды которого были вообще близки шлейхеровским. Ученый стилизатор (вспомним «Гузлу», введшую в заблуждение Пушкина), увлекавшийся лингвистикой и обсуждавший научные работы в своих письмах, Мериме

³ О том, насколько факультативно лингвистическое содержание для восприятия подобных текстов, говорит тот факт, что в русском переводе этого сочинения многократно повторяющееся в тексте ключевое понятие синтаксиса передано неправильно.

в своей последней новелле вводит в текст как конкретные лингвистические сведения, так и общие идеи немецкой науки середины XIX в. (дважды повторенное слово «закон»), разумеется, кое-что и передавая не вполне точно: например, он как будто бы смешивал санскрит с индоевропейским праязыком. Исследовательница говорит о том, как переводчик Михаил Кузмин изменил имя героя на «восстановленное» этимологически немецкое (*Wittentbach* на *Vumtenbach*; укажем прямую параллель такой ассимиляции во французском — франц. *Nuremberg* при нем. *Nürnberg*, ср. также названия Нюрнберга или Эдинбурга с *-mb-* на латыни и некоторых других языках). Нам также кажется, что «литовская» новелла Мериме могла бы заинтересовать Кузмина в связи с литовским происхождением его спутника жизни Юрия Юркуна (Иосифа Юркунаса) и общей слабой осведомленностью поэта в этой тематике: в одной из дневниковых записей он признавался, что не знает, чем литовец отличается от поляка.

Знаменитый «Пигмалион» Шоу в интересующем нас отношении напоминает новеллу Мериме — это произведение об ученом, совмещающем черты нескольких прототипов и занимающемся тем, что реально волновало самого Шоу (английская фонетика, реформа орфографии и «фонетический алфавит»); обширный автокомментарий, приложенный драматургом к пьесе, кое в чем упрощает, а кое в чем и усложняет работу исследователя, направляя ее по ложному пути. Выдающиеся британские фонетисты Дэниэл Джоунз и Генри Суит (как и их континентальные современники и коллеги, например, учитель Джоунза и Л. В. Щербы Поль Пасси) нечасто находят самостоятельное место в истории языкознания, тем не менее они были достаточно своеобразными практиками и теоретиками. В частности, именно Джоунз активно популяризировал термин «фонема» в современном значении (однако упоминаемое на с. 65—66 мнение, согласно которому Джоунз, в работе 1917 г., имеет здесь и прямой приоритет, нуждается в комментариях в связи с более широко известными данными об использовании этого слова у Крушевского, Бодуэна, Сеше и, наконец, в «Курсе общей лингвистики» Соссюра). Как уже выяснено биографами, Шоу сознательно мистифицирует читателя, называя Генри Суита основным прототипом профессора Хиггинса, в то время как уроки произношения, способствовавшие продвижению по социальной лестнице, давал как раз лично знакомый ему (но ни разу не упоминаемый в «Предисловии») Джоунз. Причина этого проста: прототип оскорбился своей сценической карикатурой, и потребовалось «Предисловие», отводящее от него все подозрения и переключаящее их на покойного Суита. Автор книги внимательно соотносит те или иные эпизоды текста Шоу с реальными научными биографиями британских фонетистов эпохи, обращая внимание и на не везде адекватную расстановку акцентов: как и Мериме, Шоу был дилетантом, причем еще и общественно активным. Е. В. Вельмезова подробно обсуждает развитие фонетики в Британии начала XX в. и ее связь с занимающим автора вопросом создания стенографической системы, а также другие обсуждающиеся в «Пигмалионе» черты «духа эпохи» (позитивистский «эксперимент», мода на международные искусственные языки).

«Скандалист...» Каверина — не произведение массовой культуры, это полный наметок роман «для своих». Он не раз привлекал внимание историков русского формализма. М. О. Чудакова и Е. А. Тоддес уже составили «ключ» к роману — работу о его прототипах; тем не менее лингвистический комментарий к этому произведению совершенно необходим. В центре романа конфликт между старой профессурой и молодым поколением ленинградских филологов-формалистов, поднимающих тост «против Академии!». Это наиболее насыщенное фигурами, именами и идеями лингвистов произведение из всех, разбираемых в книге Вельмезовой (а может быть, и в русской литературе вообще): здесь упоминаются, помимо прочих, такие нетривиальные авторы, как Бопп или Вандриес, а персонаж по имени Драгоманов⁴ списан с Е. Д. Поливанова, в уста которого несколько неожиданно вложены

⁴ Кажется, исследовательница нигде не комментирует семантику этой говорящей фамилии, подходящей востоковедам Поливанову и Марру: от *драгоман* 'переводчик с восточных языков'. (Фамилия *Драгоманов* существовала в действительности, ее носило известное семейство литераторов

идеи его (будущего) антагониста Н. Я. Марра. Каверин — единственный из шести авторов анализируемых сочинений профессиональный филолог; он испытал сильное влияние личности Поливанова и впоследствии много сделал для воскрешения памяти о нем и пропаганды его наследия. В роман, что уникально, включены целые развернутые вымышленные (псевдо)лингвистические тексты — «доклад» и «лекция» Драгоманова. Первый из них едко пародирует функционализм и социолингвистику 1920-х гг. в духе Якубинского и Винокура (идея «нормативного разделения человеческой речи на группы») и своей нечаянной сатирой напоминает известные антиутопии XX в. и «модель только одной потребности» Стругацких. Вторая — это невозможное у реального Поливанова изложение основных идей «нового учения о языке» (отрицание индоевропеистики, элементы и стадии, скрещение языков), поданных, похоже, всерьез и не без любования.

Далеко не все персонажи каверинского сочинения (и их прототипы) именно лингвисты: центральный герой романа Некрылов — это, как известно, Виктор Шкловский, да и его антагонисты, презрительно изображенные «закаменевшие над рукописями» специалисты «по минеям и палеям» (сейчас это неловко читать), тоже не занимаются языкознанием специально. Лингвистика — орудие в руках молодых героев-формалистов: они хотят ей заниматься не самой по себе, а «в теории литературы», открывать при ее помощи новые перспективы (как это исторически и было в деятельности МЛК и ОПОЯЗа). Самого Каверина тоже привлекали скорее революционность и наукообразие соответствующей составляющей формализма, чем конкретное содержание теорий, отсюда указанные автором (и ранее уже Чудаковой и Тоддесом) смещения перспективы и идей⁵; впрочем, Е. В. Вельмезова справедливо замечает, что к моменту создания романа Поливанов еще не вступал в прямой конфликт с Марром и в их идеях есть некоторое количество переключек. Кроме того, к моменту создания текста «Скандалиста» Каверин уже не «варился» в лингвистической среде и либо восстанавливал конкретные детали по памяти, либо уже воспринимал более свежие события со стороны.

Следующая глава посвящена циклу романов Константина Вагинова, изображающих, подобно каверинскому, ленинградских писателей и гуманитариев двадцатых годов, но уже второй их половины. Вагинов в этот период много общался с участниками «круга Бахтина», идеи которого отразились в его произведениях. Вагиновские персонажи-эрудиты интересуются не только философией, психологией и «литературной наукой», но и разными актуальными в 1920-е гг. аспектами языкознания. Наконец, Тептелкин, один из главных вагиновских чудачков, строит «иерархию смыслов», в которой Вельмезова видит прообраз семиотической системы. Жаль, что в списке литературы к этой главе нет книги В. М. Алпатов «Волошинов, Бахтин и лингвистика» [Алпатов 2005] — самого развернутого и квалифицированного высказывания о лингвистических идеях бахтинского круга.

Роман «В круге первом» Александра Солженицына переносит нас в гораздо более мрачный «круг», в малоплодотворные для лингвистики послевоенные годы. Символично, что научный поиск показан там как часть работы в шарашке арестованных инженеров над идентификацией голосов подозреваемых в государственной измене, а вторая лингвистическая сюжетная линия — это работа Сталина над «Марксизмом и вопросами языкознания». Кроме того, персонажи Солженицына (вслед за прототипами) обсуждают идеи Марра; филолог-маррист Рубин (Лев Копелев) ищет происхождение «всех слов всех языков» от слова «рука», а математик Нержин (разумеется, это сам Александр Исаевич), вооружившись словарем Даля, его ниспровергает. Глава содержит очень интересные рассуждения о создании

и общественных деятелей, один из которых — Петр Якимович, дед Леси Украинки — мог привлечь внимание Каверина-филолога, поскольку печатал стихи в альманахах пушкинской поры.)

⁵ Сюда же и подмеченное Е. В. Вельмезовой загадочное суждение Шкловского о том, что Бодуэн де Куртенэ, несмотря на свои таланты, «не написал книги», которую вместо него «написал Мей». Осторожно предположим, что Шкловский просто путает Мейе с Соссюром (последний, впрочем, тоже не то чтобы сам «написал» прославившую его книгу).

Сталинского «гениального труда» в сопоставлении с тем, как этот процесс показан у Солженицына, с детальным сличением текстов. Подробно анализируется акцентируемая Солженицыным этническая (грузинская, славянская и китайская) составляющая в дискуссии 1950 г., роль в ней А. С. Чикобава и других соотечественников Сталина, а также влияние великодержавных ориентиров на критику «космополитического» марризма; здесь активно привлекаются данные не только лингвистики и идеологии, но и политической истории послевоенных лет. Наконец, в главе кратко обсуждаются прикладные (лингвокриминалистические) исследования «видимой речи», или «фоноскопии», которыми заняты герои романа «В круге первом»; в обсуждаемый период они были почти полностью засекречены и стали заметным явлением лишь в 1960-е.

К 1960-м годам относится и повесть братьев Стругацких «Попытка к бегству», разбираемая в книге последней. В повести, написанной вскоре после появления Отделения структурной и прикладной лингвистики в МГУ, фигурирует персонаж-«структуральнейший лингвист» Вадим, воспевающий себя в куплетах с соответствующим рефреном; впрочем, ничем особенно «структурным» Вадим больше не характеризуется, и авторы подают его в довольно эклектическом антураже — от гумбольдтовско-марристских взглядов на корреляцию общества со строем языка до чтения словарей. В главе реконструируется рецепция структурализма в СССР 1950-х — начала 1960-х гг., которая могла быть релевантной для Стругацких. После смерти Сталина и либерализации положения дел в лингвистике на страницах советских научных журналов начинаются (во многом, увы, запоздалые) «дискуссии о структурализме», существует и критика «структуралистских извращений» со стороны партийных ортодоксов и т. п.; все это касалось уже не только лингвистики и живо интересовало также техническую интеллигенцию (так как одной из основных целей структурного языкознания провозглашался машинный перевод). Кое-что из «духа времени» отразилось и в повести Стругацких, например алгоритм машинного перевода через «свертку разобщенных (?) структур», восходящий к грамматике трансформаций.

Монографию завершает краткий раздел с подведением итогов, обобщающим свойства проанализированных текстов; автор предполагает (в духе известной теории «петербургского текста» В. Н. Топорова) существование «лингвистического текста» в мировой (и русской) литературе. Эта мысль кажется очень важной и плодотворной, и, думается, методологию автора можно распространить также на тексты, в которых конкретные лингвистические идеи отражены не настолько ярко (частично о них уже речь шла выше).

К книге есть несколько общих (хотя и не принципиальных) замечаний. Во-первых, автор, как видно по ссылкам, хорошо знаком с современными зарубежными историями лингвистических учений, однако по общим вопросам ссылается преимущественно на отечественные работы (книги Рождественского и соавторов, Кондрашова, Звегинцева, Алпатова); думается, современный российский читатель в таком ограничении не нуждается. Фундированность исследования «Локиса», с многочисленными цитатами из Шлейхера и Мюллера, подкрепило бы указание на конкретные французские термины, которые использует Мериме; разумеется, Вельмезова использует все тексты в оригинале, но в случае наличия перевода цитирует только по-русски. В разделе о «Пигмалионе», как и в предыдущем, не хватает цитат из оригиналов. Например, междометия Элизы Дулитл, подробно выписанные на с. 67—68, информативны только с точки зрения того, какие (русские) междометия переводчицы П. В. Мелкова и Н. Л. Рахманова считают уместными для русского читателя; в оригинале Элизин рефрен «Аааааah-ow-oooh», по крайней мере на первый взгляд, во всех случаях выглядит менее разнообразно и за ним наверняка стоит вполне конкретный звуковой образ. Не менее интересным для фонетической практики Шоу кажется и запись ее собственно речевых звуков, которую, как отмечает драматург, «за пределами Лондона» передать нельзя, чего переводчицы, конечно, и не пытаются сделать: *Wal, fewd dan y' de-ooty bawmz a mather should, eed now bettern to spawl a pore gel's flahrzn than ran awy athaht pyin* (= *Well, if you'd done your duty by him as a mother should, he'd know better than to spoil a poor girl's flowers then run away without paying*). (А вот название работы Джоунза *Dhe fonetik aspekt ov speling*

reform автор приводит в оригинале, и это удачно — лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать.) Может быть, в ряде случаев стоило бы сократить цитаты: не везде тот объем, в котором цитируются научные (например, советские литературоведческие) или художественные тексты, оправдан логикой изложения, в ряде случаев уместно их сжато пересказать и дать ссылку.

В целом рецензируемая книга представляет собой замечательный цикл «case studies» того, как ключевые идеи и сюжеты науки преломляются в культуре в целом. Существуют подобные исследования, связанные с историей, например, книга А. А. Формозова [2012] об исторической проблематике и «древностях» у русских классиков; большой интерес антропологов привлекают, например, биологические и медицинские представления, отразившиеся в литературе. Лингвистика чем-то похожа на медицину и историю — это область, в которой всякий стремится иметь собственное мнение, не будучи профессионалом. Вместе с тем меняющийся научный дискурс и научная мода существенно влияют даже на такие мнения; кроме того, писатель может и сам более или менее серьезно увлекаться лингвистической наукой, пусть подчас и на любительском уровне. Екатерина Вельмезова отлично справилась как с прикладной задачей сделать сухой предмет увлекательным для студентов, так и с серьезной проблемой отражения научного знания в культуре. Как историки языкознания, так и историки литературы найдут в этой книге множество ценного для себя.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Алпатов 2005 — Алпатов В. М. Волошинов, Бахтин и лингвистика. М.: Языки славянской культуры, 2005. [Alpatov V. M. *Voloshinov, Bakhtin i lingvistika* [Voloshinov, Bakhtin, and linguistics]. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2005.]
- Формозов 2012 — Формозов А. А. Классики русской литературы и историческая наука. Изд. 2-е. М.: Гриф и К, 2012. [Formozov A. A. *Klassiki russkoi literatury i istoricheskaya nauka* [Classical Russian writers and the historical science]. 2nd ed. Moscow: Grif i K, 2012.]
- Velmezova 2007 — Velmezova E. *Les lois du sens: la sémantique marriste*. Bern: Peter Lang, 2007.

Подписано к печати 13.12.2016 Дата выхода в свет 24.02.2017

Формат 70×100% Цифровая печать Усл. печ. л. 13,0 Усл. кр.-отт. 5,3 тыс.

Уч.-изд. л. 15,5 Бум. л. 5,0 Тираж 404 экз. Зак. 1032

Цена свободная

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-66704 от 28 июля 2016 г.

в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций

У ч р е д и т е л ь: Российская академия наук

И з д а т е л ь: Российская академия наук. Издательство «Наука»,
117997, Москва, Профсоюзная ул., 90

А д р е с р е д а к ц и и: 119019, Москва, ул. Волхонка, 18/2. Институт русского языка,
телефон +7 495 637-25-16

Оригинал-макет подготовлен С. С. Белоусовым

Отпечатано в ФГУП Издательство «Наука» (Типография «Наука»), 121099, Москва, Шубинский пер., 6